

УДК 811.161.1: 398.91

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ: ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ / УТРАТЫ ВОСТРЕБОВАННОСТИ

© Людмила Савенкова

PROVERBS AND SAYINGS ON NEWSPAPER PAGES: THE FACTORS OF MAINTENANCE / LOSS OF DEMAND

Liudmila Savenkova

The article identifies the factors, influencing the degree of activity of proverbs with a didactic focus in the print media of the 21st century. It is based on the proverbs and sayings, found in the texts of the 19th - 20th centuries and presented in V.P. Zhukov's "Dictionary of Russian Proverbs and Sayings" (2004). The National Corpus of the Russian Language (NCRL) can serve as an index of their frequency. We compare paroemias, found in the Basic and Newspaper Corpora. According to the frequency of use, paroemias from Zhukov's Dictionary can be divided into four areas: high, medium and low activity areas, as well as passive ones (not found in any of the two corpora of the NCRL). The research results confirm that about a half of Russian proverbs and sayings from the list, known for at least 200 years, are functioning in the current newspaper discourse, while the number of proverbs in the Basic Corpus has reduced by less than 14%.

These are linguistic factors, promoting the maintenance of the proverb activity: a compact syntactic structure, the ability to create ellipses, a short phonetic duration (paroemias with a length of 5 or more elements get out of use more frequently), and the absence of obsolete words, as well as their ability to adapt to the modern system of values. In the texts of the Newspaper Corpus, the activity of proverbs decreases if they are related to God's role in a human destiny, to the recognition of the factor of fate, to the need to recognize the force of circumstances and to adapt to them, to act as an observer rather than an initiator of events. At the forefront are the set phrases, evaluating the activity of a person or social community.

Keywords: paroemia, proverb, saying, newspaper discourse, structure, values.

Статья посвящена выявлению факторов, влияющих на степень активности паремий дидактической направленности в печатных СМИ XXI века. Исходным материалом служат пословицы и поговорки, представленные в «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (2004), функционирующие в текстах XIX–XX вв. Маркером востребованности паремий может служить Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Сопоставлению подвергнуты паремии, встречающиеся в Основном и Газетном корпусах. По востребованности паремии Словаря Жукова можно разделить на четыре зоны: высокой, средней и низкой активности, а также пассивные (не обнаруженные ни в одном из двух корпусов НКРЯ). Утверждается, что из русских пословиц и поговорок, известных не менее 200 лет, в современном газетном дискурсе функционирует приблизительно половина, в то время как количество паремий в текстах Основного корпуса сократилось менее чем на 14%.

Лингвистические факторы сохранения активности паремий: компактность синтаксической структуры, способность к эллипсису, небольшая фонетическая протяженность (чаще выходят из употребления паремии длиной в 5 и более тактов), отсутствие в их составе устаревших слов. Наблюдается адаптация паремий к современной системе ценностей. В текстах Газетного корпуса снижается активность паремий, связанных с ролью Бога в судьбе человека, с признанием фактора фатальности, необходимостью смиряться с обстоятельствами, применяться к ним, чаще выступать в роли наблюдателя, а не инициатора событий. На первый план выходят устойчивые фразы, обращенные к оценке активности индивида или какого-либо социального объединения.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, газетный дискурс, структура, ценности.

Пословицы и поговорки относятся к числу языковых знаков, обладающих дидактическим потенциалом. На протяжении столетий в разных языках они служат сводом эксплицитных и им-

плицированных рекомендаций (см. об этом: [Абакумова], [Ничипорчик], [Пермяков], [Савенкова, 2002], [Селиверстова], [Семененко], [Сидорков]). Поскольку данные виды паремий свя-

заны с выражением ценностных ориентаций социума, которые со временем могут меняться [Савенкова, 2013], особую значимость приобретает исследование тех из них, которые активно используются в современной русской речи.

Русские паремии – единицы, создаваемые по большей части с использованием разнообразных тропов и синтаксических фигур (см. об этом, например, [Бочина]; [Савенкова, 2003], [Савенкова, 2015]). Наиболее активными структурообразующими стилистическими механизмами порождения пословичных смыслов оказываются метафоризация (в материале – 46, 5% единиц) и метонимизация (28% единиц). Однако 9, 2% материала составляют поговорки, возникающие без переосмысления деривационной базы за счет обобщения. Именно они избраны главным объектом внимания в данной статье, пословичный же корпус привлекается для сопоставления.

В качестве источника материала был избран «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова [Жуков], который создавался в последней трети XX века и отразил не все ретроспективно обозримое богатство русских паремий, а лишь наиболее употребительную – по подсчетам автора словаря – их часть (1200 единиц, зафиксированных в художественной литературе и публицистике XIX–XX вв., с немногочисленными вхождениями текстов XVII в.).

Своеобразным маркером востребованности паремий может служить *Национальный корпус русского языка* (далее – НКРЯ); все случаи употребления извлечены для анализа и цитируются именно по нему. Особый интерес в его рамках представляет Корпус современных СМИ, или Газетный корпус (далее – ГК), который лишь немногим уступает по объему Основному корпусу (далее – ОК). ОК включает 265 401 717 слов, ГК – 228 521 421 слово, то есть 86% от объема основного. Автор исследования отдает себе отчет, что отсутствие паремий в НКРЯ нельзя считать безусловным показателем ее неизвестности носителям современного русского языка. Однако, думается, данный факт подтверждает низкую активность изречения в публицистической и художественной речи.

Для решения задач данного исследования был проведен квантитативный анализ единиц. В этом ключе рассмотрению подверглись паремии, которые создаются без переосмысления, лишь за счет обобщения (в нашей терминологии это поговорки). Их анализ, как представляется, позволяет оценить важность логико-грамматического фактора и эксплицированного ценностного ориентира, поскольку на степень активности функ-

ционирования не может влиять образ, создаваемый внутренней формой паремии.

Для выявления круга поговорок, наиболее часто появляющихся в письменной речи, было проанализировано по 15 единиц. Условимся именовать их поговорками высокой степени активности. В ОК это поговорки с количеством употреблений от 91 (15-я позиция) до 565 (первая позиция), в ГК подобный список включает единицы с количеством употреблений от 54 до 299.

Чтобы не ограничиваться только наиболее активными, а рассмотреть и другие поговорки, которые эксплуатируются авторами достаточно интенсивно, был выбран несколько иной подход. Условным порогом активности средней степени в ОК предлагается взять 20 употреблений. В эту зону вошло 34 поговорки с количеством употреблений от 20 до 89. Поскольку объем ГК составляет 86 % объема ОК, постольку целесообразно пропорционально снизить порог нижней границы до 17. Таких поговорок 11.

В зону низкой активности включаются единицы, которые встретились хотя бы один раз, но не достигли порога средней зоны. В ОК их 44, в ГК – 27.

В зоне пассивности остаются поговорки, не зафиксированные в текстах корпусов. Единиц, помещенных в словаре В. П. Жукова, но не встречающихся ни в ГК, ни в ОК, – 18. Следует подчеркнуть, что почти все эти изречения были почерпнуты составителем словаря из текстов, авторы которых родились более 100 лет назад. Только два писателя: В. Белов (1932–2012) и В. Лихонос (р. 1936) – могут считаться нашими современниками, однако это писатели-деревенщики, по роду своего художественного творчества погруженные в глубинные слои русской лингвокультуры. Добавим, что и в словаре отмечено чаще всего по одному случаю употребления анализируемых поговорок.

Из числа присутствующих в ОК, фиксирующем тексты почти трех последних столетий, в ГК XXI века отсутствуют еще 39 единиц. Однако тенденции к снижению активности поговорок здесь общие: только 6 паремий из 39 датируются годами после 2000, причем количество употреблений их на этом хронологическом срезе – от 1 до 4. Это такие поговорки, как *Старый, что малый; Где пьют, там и льют; Кто богу не грешен, царю не виноват?; Сорок лет – бабий век; За муж выйти не напасть, кабы замужем не пропасть; Своя своих не познаша*. Время наиболее поздней фиксации в ОК НКРЯ для 15 поговорок зоны пассивности ГК колеблется между 1918 и

1991 г., а еще для 18 – превышает 100 лет (с 1856 по 1910 гг.).

Тем не менее можно заметить, что круг поговорок в ГК по сравнению с корпусом словаря В. П. Жукова сузился более чем в два раза (48, 18% от состава словаря), в то время как в ОК встречаются употребления 83, 64 % поговорок из словаря В. П. Жукова. Следует задаться вопросом: каковы причины утраты востребованности поговорок в современных газетных текстах?

С точки зрения синтаксиса, коррелирующего в первую очередь с логикой высказываний, нельзя увидеть предпочтительности простых или сложных предложений. К примеру, из 18 поговорок, присутствующих в словаре В. П. Жукова, но не зафиксированных в НКРЯ, структурой сложного предложения обладают 11 из 18, то есть 61%, ср.: *Чего хочется, того и просится; В городе суэта, в деревне маета; Всяк правду ищет, да не всяк ее творит* и т. д. Это могло бы служить аргументом в пользу предпочтения паремий со структурой простого предложения. Однако в кругу поговорок, зафиксированных в ОК, но не востребованных в современных газетных материалах, 60% приходится именно на высказывания со структурой простого предложения. Если же обратиться к поговоркам, присутствующим в текстах обоих корпусов, то среди них сложных предложений даже больше, чем простых (около 54 %).

Вероятно, в качестве одного из второстепенных факторов, влияющих на степень активности паремии в речи, можно указать фонетическую компактность, выражающуюся в количестве тактов, составляющих поговорку. Сопоставление по этому параметру поговорок ГК, входящих в две первых зоны активности, с поговорками, составляющими зону пассивности, дает следующий результат: в числе наиболее активных 25 единиц только одна (*Старый друг лучше новых двух*) состоит из 5 тактов, в то же время из 57 единиц зоны пассивности ГК 19 (ровно треть единиц зоны) составляют поговорки, количество фонетических тактов которых колеблется от 5 до 8, ср.: *Мужик богатеет – в баре идет, барин беднеет – к мужику идет; Вдовец деткам не отец, а сам круглый сирота; Не делай своего хорошего, <a> делай мое плохое; Кто ест скоро, тот и работает скоро* и т. д. Видимо, пограничный слой составляют паремии, состоящие из четырех тактов. Именно о них уже нельзя утверждать с полным основанием, влияет ли степень краткости на их востребованность, хотя можно заметить, что из числа наиболее активных поговорок четырехтактовыми являются 13 (52%), а в кругу пассивных

четырёхтактовые единицы занимают сектор в 42, 1%.

В целом анализ формы поговорок наводит на мысль о второстепенности как синтаксических свойств, так и фонетической протяженности этих паремий.

В кругу метафорических пословиц фонетическая протяженность также может считаться второстепенным фактором, влияющим на степень их востребованности. Оговоримся, что наличие образности создает богатую синонимию или иную семантическую близость пословиц, поэтому и количество их гораздо больше, чем количество поговорок. Поэтому сама широта выбора единиц обуславливает меньшую активность каждой такой единицы в речи. В связи с этим в зону высокой активности были отнесены 96 пословиц из 549 (количество употреблений – от 40 до 537); аналогично поговоркам была вычислена нижняя граница первой зоны для пословиц из ГК – 34 употребления (таких единиц оказалось всего 48). Во вторую зону вошли 79 пословиц из ОК (количество употреблений от 20 до 39) и 48 – из ГК (от 17 до 33 употреблений). В третьей зоне в ОК – 300 пословиц (от 1 до 19 употреблений), в ГК – 178 (от 1 до 16 употреблений). В зоне пассивности 71 пословица из словаря В. П. Жукова, отсутствующие в НКРЯ. В ГК число таких паремий – 272.

Среди пословиц первой степени активности на долю двух- и трехтактовых приходится 55, 21% в ОК и 56, 25% в ГК; с числом тактов более четырех – лишь 7, 29% в ОК и 14, 58% в ГК. В зонах пассивности наблюдается противоположный перевес: среди невостребованных текстами ОК НКРЯ фонетически протяженные (более 4 тактов) составляют 40, 85%, а наиболее краткие (два-три такта) – только 18, 31%. В ГК перевес протяженных пословиц не столь очевиден: 35, 32% против 26, 39% двух- и трехтактовых.

Обращение к лексическому составу поговорок приводит к ожидаемому заключению о том, что перестают употребляться или отличаются единичными употреблениями паремии, упоминающие реалии, которые были актуальны для крестьянства прошлых столетий, ср.: *Не хвали пива в сусле, а ржи (жито, жита) в озими* (среднестатистический современный носитель русского языка уже не варит пиво в домашних условиях и вряд ли способен вразумительно объяснить, что такое сусло); *Мужик богатеет – в баре идет, барин беднеет – к мужику идет; Царю да киселю места всегда хватает* (здесь *кисель* – блюдо из гороховой, овсяной, ржаной и т. п. муки, обычное для крестьянского обихода); *В апреле земля прееет <спеши пахать и сеять>*.

Последняя поговорка по сути составляет рекомендацию крестьянину-землепашцу. Несмотря на то, что каждый житель России представляет, что пахать и сеять надо весной, для него сами эти виды сельскохозяйственной работы неактуальны, поэтому и совет остается неостребованным. Сравним, кстати, две пословицы, образы которых также обращены к наблюдениям за сельским хозяйством. Одна из них – *Всякому овощу свое время* – зафиксирована в 35 контекстах ОК и 11 – ГК. Другая – *Всякое семя знает свое время* – только один раз отмечена ОК в форме *Майское семя знает свое время* (А. Балдин. Московские праздные дни. 1997) и ни разу не упомянута в ГК. Мотивация различной востребованности этих единиц очевидна: все видят, когда в магазине или на рынке появляются те или иные местные овощи, но мало кто может сказать, когда именно начинался процесс посадки или сева тех или иных семян.

Аналогичная закономерность наблюдается и в пословицах. Для них также важной оказывается степень известности слов, входящих в состав изречения, иногда – их семантическая трансформация, ср. отсутствие в НКРЯ паремии *Вощина – не соты, голдовня / болтовня не толк*, в которую входит слово ограниченного употребления *вощина*. Другой пример – пословица *В подпечье и помело – большак*, в которую вошли слово *подпечье*, называющее отсутствующую ныне реалию, и областная лексема *большак*, обозначающая главу семьи. Семантическую трансформацию можно обнаружить в пословице *Бог труды любит*. В ОК – 21 контекст с этой пословицей, но последнее употребление относится, вероятно, к концу 30-х гг. прошлого века, в ГК паремия не попала. Причина этого, видимо, кроется отчасти в том, что слово *труды*, которое в древнерусском языке означало, кроме прочего, и «молитвы», перестало использоваться с этим значением в речи светских людей. В подтверждение того, что интерпретация паремии изменилась, приведем зафиксированный в ОК отрывок из «Слова сказыванного при первом посещении града Калуги, 1775 года, декабря дня» архиепископа Платона (Левшина):

Мужи и жены должны взаимную к себе иметь любовь, и хранить верность клятвою пред олтарем утвержденную. И тем давать детям своим богоугодный пример. Купцы и художники силою веры обязаны не смотреть токмо прибытков телесных, но паче пещись о честности души и незазорной совести. Ибо *Бог труды наши* тогда *благословляет*, когда мы добродетелию своею его благословение на себя привлекаем [НКРЯ].

Из контекста видно, что *труды* подразумевают отнесенность к сфере духовного. Между тем все остальные случаи употребления в ОК (их 21, последний – из текста Н. И. Гаген-Торна «Мемогія», датируемого 1936–1979 гг.) используют слово *труды* в значении «работа», ср.:

А это, по-твоему, не работа? – Эти не дошли! – отвечает он с самоуверенностью истинного моралиста, – да, надо полагать, и не дойдут никогда! – *Бог труды любит!* – сентенциозно вмешивается один из хозяев-обозчиков, мелочной торговец, – это им, значит, от бога назначено, чтобы завсегда в труде время проводить! – Кому же это „им“? – Простонародью, черняди-с, – отвечает обозчик (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи. 1872–1876) [Там же];

– Работаю маленько. – Что ж, работай... *бог труды любит* (А. Г. Малышкин. Люди из захолустья. 1938) [Там же].

Далее следует проанализировать семантику поговорок с позиций аксиологии. Здесь явно низкая активность использования в ОК и ГК наблюдается у единиц, которые связаны с характеристикой личных качеств человека, основанных на рациональности (*Дурак не дурак, а сроду так; Скупость не глупость*), обстоятельств его быта (*В городе суета, в деревне маета; Скучен день до вечера, коли делать нечего*) или межличностных отношений (*Потчевать можно, неволить грех; Чем дарят, тем не корят*).

У поговорок из ОК и ГК не совпадают перечни наиболее активных единиц. В ОК лидерами списка являются единицы, связанные с ролью Бога в судьбе человека, с признанием фактора фатальности, необходимости смириться с обстоятельствами, применяться к ним, чаще выступать в роли наблюдателя, а не инициатора событий: *Бог дал, Бог и взял* – 565 употреблений; *Бог милостив* – 363; *Каждому свое* – 263; *Нет худа без добра* – 215; *Поживем – увидим* – 211; *Чему быть, того (тому) не миновать* – 207; *Стерпится – слюбится* – 110; *Час от часу не легче* – 101; *От добра добра не ищут* – 96; *От судьбы не уйдешь (не убежишь)* – 94; *Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается* – 91. Гораздо меньше здесь единиц, признающих необходимость активизации индивида / индивидов: *Сказано – сделано* – 223; *Береженого и Бог бережет* – 130; *Один за всех, все за одного* – 124; *Лучше поздно, чем никогда* – 112.

В ГК список существенно меняется. Хотя на первых позициях в нем оказываются поговорки из первой трети списка ОК, однако совпадают в списках 15 лидеров только 8. Паремии, связанные с мыслью о зависимости жизни человека от

вмешательства неких сторонних сил, вытесняются другими, сосредоточенными на общей оценке жизненных обстоятельств или взаимоотношениях членов социума. Приведем их, указывая в скобках изменение позиции в списке по активности обращения к ним в газетных материалах: *Мир (Свет, На свете) не без добрых людей* (16 → 10); *Дружба дружбой, а служба службой* (19 → 11); *Все хорошо, что хорошо кончается* (21 → 15); *Насильно (Насилу) мил не будешь // Насильно (Силой) милому не быть* (25 → 13); *Все <мы> люди, все <мы> человеки* (25 → 12); *Не до жиру, быть бы живу* (28 → 8); *Не было бы счастья, да несчастье помогло* (33 → 9).

К сожалению, объем статьи не позволяет сопоставить результаты изменений степени активности безобразных паремий с образными. Ограничимся лишь самыми общими комментариями. Наиболее востребованные метафорические пословицы, как и поговорки, сосредоточены на проблемах активности индивида, связанной с реализацией ожиданий. Часть их подталкивает индивида к риску: *Под лежащий (Под лежац) камень <и> вода не течет* (75 употреблений), *Либо (Или) пан либо (или) пропал* (83), *Игра стоит свеч* (88), *Не так страшен черт, как его малюют* (91), *Чем черт не шутит* (201). Другая констатирует факт нарастания активности деятельности: *Аппетит приходит во время еды* (81), *Свято место пусто не бывает* (216), возможность достижения результата путем внешне малозначительных действий (*С миру по нитке – голому рубашка (рубаха) – 123*), необходимость уметь преодолевать временные сложности начального этапа дела (*Первый блин комом – 225*) и т. д.

Прагматика повседневности отодвигает на задний план ценности самой человеческой личности, ее своеобразия, неповторимости, ее существования в рамках семьи или иной малой социальной группы. В целом функционирование паремий в текстах газет свидетельствует об изменении ценностных приоритетов носителей современной российской лингвокультуры.

Список литературы

Абакумова О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013. 376 с.

Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 196 с.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус.яз. – Медиа, 2004. 539 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.05.2016).

Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. 358 с.

Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 239 с.

Савенкова Л. Б. Гипербола и мейозис в русских пословицах // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Межвуз. сб. науч. тр. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2003. С. 30–39.

Савенкова Л. Б. Отрицательное сравнение в семантической структуре русских паремий // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 2(40). С. 101–106.

Савенкова Л. Б. Русские паремии как адаптирующаяся система языковых знаков // Четверта меѓународна научна конференција «Меѓународен дијалог: Исток – Запад» (култура, славјанство и економија). Свети Николе, Р.Македонија / Тамбов, Руска Федерација, 2013. С. 173–176.

Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 240 с.

Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009. 270 с.

Семененко Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 355 с.

Сидорков С. В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 214 с.

References

Abakumova, O. B. (2013). *Poslovichnye kontsepty v paremicheskom diskurse: dis. ... d-ra filol. nauk* [Proverbial Concepts in Paroemic Discourse: Doctoral Thesis] Orel, 376 p. (In Russian)

Bochina, T. G. (2002). *Stilistika kontrasta: Oчерки po iazyku russkikh poslovits* [Contrast Stylistics: Essays on the Language of Russian Proverbs]. 196 p. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 05.05.2016). (In Russian)

Nichiporchik, E. V. (2015). *Otrazhenie tsennostnykh orientatsii v paremiakh* [Reflection of Axiological Attitudes in Proverbs]. 358 p. Gomel', GGU im. F. Skoriny. (In Russian)

Permiakov, G. L. (1970). *Ot pogovorki do skazki (zamетки po obshchei teorii klishe)* [From Proverbs to Fairy Tales (Notes on the General Theory of Cliche)]. 239 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2003). *Giperbola i meiozis v russkikh poslovitsakh* [Hyperbole and Meiosis in Russian Proverbs]. Iazyk v pragmaticheskom aspekte: ekspressiv-

naia stilistika, ritorika. Mezhvuz. sb. nauch. tr. Pp. 30–39. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostov.un-ta. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2015). *Otritsatel'noe sravnenie v semanticheskoi strukture russkikh paremii* [Negative Similes within the Semantic Structure of Russian Proverbs]. *Filologija i kultura. Philology and Culture*, No. 2 (40), pp. 101–106. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2013). *Russkie paremii kak adaptivnaja sistema iazykovykh znakov* [Russian Proverbs as an Adaptive System of Linguistic Signs]. *Chetvrta mefunarodna nauchna konferentsija «Mefunaroden dijalog: Istok – Zapad» (kultura, slavjanstvo i ekonomija)*. Sveti Nikole, R.Makedonja. Pp. 173–176. Tambov, Ruska Federatsija. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2002). *Ruskaia paremiologija: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Proverbology: Semantic and Linguocultural Aspects]. 240 p. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostov. un-t. (In Russian)

Seliverstova, E. I. (2009). *Prostranstvo russkoi poslovitsy: postoianstvo i izmenchivost'* [The Space of Russian Proverbs: Consistency and Variability]. 270 p. St. Petersburg, OOO «MIRS». (In Russian)

Semenenko, N. N. (2011). *Russkie paremii: funktsii, semantika, pragmatika*. [Russian Proverbs: Functions, Semantics, Pragmatics]. 355 p. Staryi Oskol, ROSA. (In Russian)

Sidorkov, S. V. (2003). *Poslovichno-pogovorochnye paremii kak faktor strukturno-smyslovoi organizatsii diskursa* [Proverbial-Saying Proverbs as a Factor in the Structural-Semantic Organization of Discourse]. 214 p. Rostov-na-Donu, Izd-vo SKNTs VSh. (In Russian)

Zhukov, V. P. (2004). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. 539 p. Moscow, Rus.iaz. – Media. (In Russian)

The article was submitted on 20.04.2016

Поступила в редакцию 20.04.2016

Савенкова Людмила Борисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 105
savenkova@sfedu.ru

Savenkova Liudmila Borisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105 Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.
savenkova@sfedu.ru